

Загадки серой папки

В очередную годовщину со дня рождения поэта — 19 июля — по четвертому каналу «Останкино» был повторно показан выпущенный нынешней весной документальный фильм «Пожалуйста, не сплетничайте... или Новое о В. Маяковском». Случилось так, что как раз к этому времени подписчики, и я в их числе, получили свежий номер «Журналиста» со статьей Валентина Скорятина «Момент лжи». Нельзя было не обратить внимания на то, как по-разному трактовались одни и те же факты и обстоятельства на экране и в журнале.

Гибель Маяковского: самоубийство или убийство? Знаменитое его «предсмертное письмо» («любовная лодка разбилась о быт») — не подделка ли? Уже среди современников поэта было по этому поводу немало толков. В последние годы вопросы эти вновь стали муссироваться в печати и на телевидении. Обращались к судмедэкспертам. Те подтвердили версию о самоубийстве. Эксперт-почерковед высказалась за подлинность письма поэта. Но не придется ли этим специалистам усомниться в абсолютной безукоризненности своих экспертных заключений? Ведь В. Скорятиным обнаружены и частично опубликованы документы, которыми они до сего дня не располагали.

... С еще пахнувшей типографской краской книжкой «Журналиста» (№ 5—6) я поспешил в Государственный музей Владимира Маяковского, работники которого принимали участие в упомянутом выше телефильме. Как они оценивают публикацию Валентина Скорятина?

— Это сенсация! — сказала Муза Анатольевна Немирова, заместитель директора музея по научной работе. — Надо отдать должное Валентину Ивановичу. Он отыскал, ввел в оборот много документов и фактов, относящихся к Маяковскому и его окружению, о существовании которых мы не знали. Последняя же его находка — исключительно ценна.

О чем речь? Ветерану журналистики Валентину Скорятину с помощью редакции журнала удалось получить доступ к секретнейшим архивам и извлечь оттуда на свет божий уголов-

ное дело о гибели Маяковского, считавшееся утраченным. Серая папка вместила в себя сорок страниц следственных материалов. На ней надпись: «Уголовное дело № 02—29 1930 года... о самоубийстве Владимира Владимировича Маяковского».

Тут немало сюрпризов. Вот в записи следователя (на машинке) показания В. Полонской. Она — в ту пору совсем юная, но уже замужняя актриса — единственная, кто был с Маяковским перед самым выстрелом. «Я его не люблю», «мой отказ во взаимности» — так она объясняет следователю вероятную причину внезапного решения поэта свести счеты с жизнью. А между тем в воспоминаниях той же Полонской, написанных спустя восемь лет после трагедии, написанных не для чужих глаз, «в стол» и опубликованных лишь в 1987 году («Вопросы литературы», № 5), мы читаем иное: «Я ответила, что люблю его. Буду с ним». Где правда? Наверное, наедине с собой, со своей совестью не лукавят...

Оказалось, что приобщенная — на каком-то этапе — к уголовному делу «предсмертная записка» написана не пером, как считалось, а карандашом. А это существенный момент для почерковедов. И еще. Среди вещественных доказательств — кобура с оружием. Но не с тем, которое указано в официальном милицеском протоколе. Вместо маузера здесь оказался браунинг...

«Чертовщина какая-то! И — загадок еще больше». На этих словах обрывается нынешняя публикация В. Скорятина. Но его «независимое расследование» продолжается.

... В музее я узнал, что сюда зачастил главный художник Московского монетного двора Александр Колодкин. Дотошно изучает фотографии Маяковского. К 100-летию со дня рождения поэта революции — а оно в будущем году — намечено выпустить металлический рубль с его профилем. Было бы, думается, правильно, если бы к знаменательной дате среди экспонатов музея В. Маяковского заняла наконец свое место и серая папка с «делом № 02—29».

Н. КОВЫЛИН.

6.08
1992

С. 7

ГЛАСНОСТЬ